

«ПРОТИВ ОГНЯ ВОЙНЫ»: ПРАКТИКИ СОВЕТСКОГО МИРОТВОРЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Т. В. Раева,

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Борьба за мир имела огромное значение для советской культурной дипломатии периода Холодной войны. В данной статье автор предпринимает попытку проанализировать арсенал и содержание миротворческих практик СССР, сформировать представление об этапах развития советского миролюбия, проследить динамику его перехода от эффективных новаторских стратегий к формализованным выхолащенным мероприятиям. Изучение миротворческих усилий Советского Союза, внутреннего и внешнего политического контекста второй половины XX века позволяет выявить причины истощения потенциала советской борьбы за мир как инструмента влияния на общественное мнение и формирования привлекательного образа страны.

Ключевые слова: советское движение за мир, Советский комитет защиты мира, Советский фонд мира, культурная дипломатия СССР в годы Холодной войны.

Окончание Второй мировой войны и победа над фашизмом не привели к осуществлению надежд человечества на установление прочного мира на Земле, дальнейшее расширение международного сотрудничества стран и преодоление впрямь всех возникающих внешнеполитических противоречий путем переговоров. Напротив, идеологические установки мировых держав, их конкурирующие геополитические интересы, способствовавшие углублению взаимного недоверия и росту опасений относительно враждебных намерений друг друга, постепенно разрушали союзническую коалицию. СССР, который, благодаря колоссальному вкладу в победу в войне, приобрел статус сверхдержавы, укрепил свой авторитет и легитимировал притязания на участие в формировании послевоенного мироустройства, прилагал немалые усилия к расширению присутствия и распространению социалистических порядков за пределами своих границ. Западные союзники, встревоженные «расползанием коммунизма», укреплением левых сил в Европе и развитием антиколониального движения в Азии, стремились к сохранению собственного влияния и наращивали давление на СССР, ужесточая в т. ч. антисоветскую тональность своей риторики. Такое усиление напряженности в биполярном мире в условиях наступившей ядерной эры создавало угрозу возникновения еще более трагического, чем прежде, военного конфликта, что, в свою очередь, вызывало у мировой общественности тревогу за будущее и страх перед новой войной.

Советское руководство хорошо понимало опасность «большой войны» для страны, отстававшей от США в экономическом и военно-техническом отношении, и активно искало способы защиты и продвижения своих идеологических и геополитических интересов, которые бы позволили избежать скальвания к прямому вооруженному столкновению. Таким «инструментом» для решения внешнеполитических задач, стоящих перед Советским Союзом, стали идеи мира и борьбы за его сохранение. Присвоение СССР роли миротворца и его претензии на лидирующие позиции в движении воспринимались общественностью как вполне закономерные для

страны, ценой огромных жертв освободившей мир от нацизма. Для системы советской культурной дипломатии использование глобальной ценности — мира в качестве пропагандистской программы и институционализирующей силы давало возможность обращения к широкой аудитории, позволяло сформировать позитивное общественное мнение в отношении собственных внешнеполитических инициатив и мобилизовать массовый антивоенный «фронт», авангардом которого выступал Советский Союз. Сплачивая сторонников мира вокруг идей всеобщего разоружения и запрещения ядерного оружия, руководству СССР удавалось снизить опасность новой войны, уменьшить политические и военные преимущества США от атомной монополии, ослабить антикоммунистические настроения. Используя эту стратегию, Советский Союз стремился не к преодолению противоречий в отношениях с идеологическими противниками, а углублению раскола, который мог бы продемонстрировать общественному мнению, кто истинный сторонник мира, а кто зачинщик войны [25, с. 90]. Идеи защиты мира, инструментализированные советским руководством, позволяли ему решать не только внешние, но и внутривнутриполитические задачи. Рассказывая об агрессивных планах империалистов, опасности новой войны и усилиях властей СССР, направленных на ее предотвращение, пропаганда вызывала в сознании людей страх перед будущим военным конфликтом, готовность сплотиться вокруг правительства и «прощать» ему непопулярные решения, если они оправдывались стремлением не допустить войну [27, с. 165].

К действиям в условиях идеологизации внешней политики, характерной для Холодной войны СССР оказался более подготовленным, чем его противник: большевистская пропаганда изначально осмысливала мир в категориях противостояния империализма и социализма, кроме того, в межвоенный период партийно-государственным руководством была создана система формирования имиджа страны за рубежом [24, с. 44], способная производить символический капитал и конвертировать его в международный авторитет. В первые послевоенные годы

советская пропаганда была мобилизована на борьбу против западного влияния, в рамках которой проводилась проверка и перестройка работы органов Совинформбюро, ВОКС и др., осуществляющих свою деятельность на внешней арене. Соединенные Штаты в противостоянии с СССР первоначально сделали ставку на экономическую помощь зарубежным странам и фактор собственного военного превосходства. Только в конце 1940-х гг. они приступили к развертыванию пропагандистской «войны», формированию соответствующих структур и реализации программ образовательных и культурных обменов [31, с. 174, 176—177].

Решение советского руководства использовать антивоенные настроения мировой общественности для отстаивания внешнеполитических позиций СССР обусловило его активное участие в процессе институционального оформления международного движения сторонников мира (далее — ДСМ). Организационные, финансовые и иные усилия были приложены для подготовки и проведения в апреле 1949 г. в Париже и Праге первого Всемирного конгресса сторонников мира (далее — ВКСМ, затем Всемирный совет мира (ВСМ)). Чуть позже в СССР был создан Советский комитет защиты мира (далее — СКЗМ). Стремление объединить вокруг идеи борьбы за мир максимально широкий круг участников заставляло Москву маскировать свою руководящую роль в структурах ДСМ и проявлять гибкость в поддержании контактов с некоммунистическими силами, что, впрочем, не всегда удавалось советской стороне.

В центре внимания ВКСМ и СКЗМ на первом этапе оказались вопросы борьбы против ядерного оружия и недопущения новой войны, а на фоне обострения ситуации в Азии с 1950 г. в повестку были включены проблемы обеспечения национальной независимости бывших колоний. Этот круг вопросов соответствовал внешнеполитическим интересам СССР и был резвучен чаяниям сторонников мира в стране и за рубежом. Для популяризации советских подходов к их решению требовалось предложить такие формы миротворческой работы, которые вызвали отклик и создавали возможности участия для каждого неравнодушного гражданина. Такой новаторской практикой для сталинского руководства стали кампании сбора подписей под воззваниями с требованием запрещения атомного оружия (1950 г.) и призывом к заключению пакта мира между мировыми державами (1951 г.). Собранные под документами сотни миллионов подписей послужили мощным базисом для внешнеполитических инициатив СССР по вопросам запрещения ядерного оружия и разоружения, которые выносились им на площадке ООН, и инструментом сдерживания США, рассматривавших планы применения ядерного оружия в Корейской войне.

Для Советского комитета защиты мира работа разворачивалась на международной и внутривосточной аренах. Являясь членом ВКСМ, комитет существенно расширил контакты с зарубежными аудиториями и миротворческими организациями, принимал в СССР иностранные делегации борцов за мир [6, л. 92—95]. Немало усилий прилагалось

для освещения деятельности советских активистов за границей посредством собственных и лояльных иностранных СМИ. Внутри страны активность Комитета была сконцентрирована, в основном, в крупных городах, имеющих большое символическое значение в борьбе за мир (Ленинград, Сталинград и ряд других). Она осуществлялась относительно узким кругом советских «культурных дипломатов» в традиционных пропагандистских форматах (митинги, лекции, выступления в прессе и по радио, показ антивоенных фильмов и т. д.) преимущественно в рамках подписных кампаний и празднования важных дат «миротворческого календаря». Такая демонстрация миролюбия должна была убеждать, в первую очередь, внешнюю аудиторию в искренности советских людей, решимости властей не допустить войну и отказаться от ядерных вооружений [2, л. 1—3].

Деятельность международных структур движения сторонников мира и связанных с ним организаций воспринималась идеологическими противниками СССР как серьезная пропагандистская угроза, против которой применялись различные запретительные и контрпропагандистские меры [3]. Однако не только это мешало развертыванию массового движения в защиту мира и созданию прочных связей СКЗМ с зарубежными миротворцами. Уже на первом этапе развития советского миротворчества некоторые видные его представители, например И. Эренбург, указывали на несоизмеримость масштаба тех задач, которые ставило руководство СССР, и возможностей СКЗМ. Немногочисленный актив Комитета, который хоть и включал в себя крупных «культурных дипломатов» сталинской эпохи, не всегда был способен осуществлять эффективное международное сотрудничество и принимать участие в миротворческих мероприятиях внутри страны. Виной тому было колоссальное количество общественных обязанностей, возложенных на них, и специфический реактивный режим работы системы советской культурной дипломатии. Предложения решить проблему путем расширения штата и появления освобожденных работников не находили поддержки советского руководства, которое рассматривало отсутствие бюрократического аппарата у СКЗМ как пропагандистский аргумент, доказывающий его общественный характер и независимость от партийно-государственных структур. Выход Комитета на международную арену обнаружил целый ряд проблем, негативно влияющих на развертывание его деятельности: слабое знание иностранных языков у актива и технического персонала, непонимание актуальной для зарубежных стран политической повестки, неспособность найти понятный для аудитории язык общения вне штампов советской пропаганды и т. д. [5, л. 13—19, 46—48]. Эти дефициты лишь отчасти компенсировались интенсивным использованием символического капитала неофициальных «послов мира». Попытки же решить проблемы административными мерами через возложение на членов актива дополнительных обязанностей не давали долговременного эффекта. Лояльно настроенные к СССР иностранные «друзья», довольно объективно критикуя недостатки

советской миротворческой деятельности за рубежом, давали советы по ее организации, утверждая при этом, что наибольшую действенность будут иметь практики, предполагающие личные контакты [4, л. 28—32]. Однако для советской стороны подобная практика не была приемлема: она декларировалась, но реально лишь узкий круг активистов был вовлечен в ее осуществление.

Постсталинская трансформация советской внешнеполитической парадигмы, предусматривающая поворот к идее сосуществования и мирного соревнования капиталистической и социалистической систем, оказала влияние на движение сторонников мира. Уже в мае 1953 г. на заседании Бюро ВСМ в Стокгольме обсуждался вопрос о переходе движения от широких кампаний к акциям, связанным с конкретными вопросами международных отношений. В июне 1953 г. на Будапештской сессии Бюро ВСМ одобрение получило предложение о расширении культурного обмена и «общения народов». Такие решения соответствовали замыслам советского руководства, позволяя ему использовать миротворчество как стратегию, способную усилить позиции СССР в политическом диалоге с Западом по спорным вопросам и обеспечить масштабное «культурное наступление».

Однако уже к 1954 г. советским представителям и кураторам ДСМ стало понятно, что принятая ими тактика оперативных действий по конкретным вопросам оказалась не способна спланировать широкие круги миротворческой общественности и привлекать новые силы в движение. Вызывало их беспокойство и желание некоторых западных участников ДСМ усилить гуманитарную составляющую в борьбе за мир, способствовать ее деидеологизации. Попытка СССР в такой ситуации вернуться к широким подписным кампаниям за разоружение (Венское воззвание 1955 г.) не привела к ожидаемым результатам и свидетельствовала о снижении эффективности, исчерпанию новаторского потенциала такой формы миротворчества.

Подъем антиколониального движения и связанное с ним ослабление позиций западных государств в Азии, Африке, Латинской Америке способствовали расширению ареала культурно-дипломатической деятельности СССР, руководство которого видело в национально-освободительной борьбе готовность стран третьего мира совершить поворот к социализму. Появление новых целевых групп стало вызовом для советского миротворчества и ДСМ в целом. Попытка СССР связать борьбу за мир с борьбой народов против колониализма вызвала неоднозначную реакцию у части сторонников мира из стран Европы. Они указывали на опасность «размывания» миротворческой платформы и проблемы, связанные с координацией и сплочением столь различных сил. Игнорируя эти настроения, Советский Союз одобрительно высказался относительно решений Бандунгской конференции 1955 г., в 1956 г. объявил о создании Комитета солидарности со странами Азии (позже — Советский комитет солидарности стран Азии и Африки), курирование которого было возложено на СКЗМ, и поддержал предложение о проведении сессии ВСМ в 1957 г. в Коломбо.

Противоречия в миротворческом движении усугублялись на фоне активизации культурной дипломатии США, нацеленной на преодоление антиамериканизма и расширение культурного влияния [31, с. 174, 178—179], в т. ч. в попытке перехватить у СССР миротворческую инициативу [30]. Ответом Советского Союза стала демократизация практик международных связей, которая предполагала вовлечение в эту сферу широких слоев советского населения и обращение к массовым целевым аудиториям за рубежом, развитие взаимодействий «face-to-face». При этом власти СССР, увеличивая количество своих граждан, вовлеченных в неформальную трансграничную коммуникацию и расширяя пространства их свободы, намеревались с помощью разнообразных инструментов сохранять управляемость этих взаимодействий. Риски же, связанные с интенсификацией международных контактов представлялись менее значимыми, чем производимый ими пропагандистский эффект.

Откликаясь на призыв партийно-государственного руководства расширять контакты с зарубежной общественностью и создавать условия для непосредственного знакомства с жизнью в СССР, СКЗМ активизировал обмены делегациями, расширил их географию. В состав советских представителей за границей теперь включались не только члены руководящего актива Комитета, знаковые фигуры сталинской когорты, но и «рядовые» борцы, которые должны были демонстрировать иностранной аудитории положительные образы «простых» советских людей — рабочих, колхозников, студентов и др. [9, л. 21—28]. Местные комитеты защиты мира выразили готовность включиться в процесс расширения контактов. Но в ситуации реактивного планирования зарубежных поездок, желая сохранять контроль над проявлениями советского миролюбия, центральный актив ограничился встречным предложением о формировании списка лиц, подходящих для выезда за границу, — людей интересных, способных достойно себя вести, квалифицированно выступать [14, л. 65—78].

Распространенной практикой контролируемой коммуникации советских людей с иностранцами в данный период стали т.н. «рейсы мира», которые предполагали посещение СССР организованными зарубежными группами, наличие согласованного маршрута и проработанного сценария их пребывания. Для реализации этого проекта в Советском Союзе был определен круг объектов культурпоказа и «простых» советских людей, готовых к приему зарубежных гостей [8, л. 33—34; 16, л. 24—25].

Расширение коммуникации с зарубежными аудиториями, поставило перед Советским комитетом защиты мира еще одну новую задачу — поддерживать переписку с зарубежными товарищами. Причем речь шла не об обмене письмами статусных корреспондентов, выдающихся деятелей культуры и борцов за мир, а о переписке простых людей, рабочих, колхозников, молодежи, школьников [11, л. 112—120; 15, л. 71; 16, л. 12—14]. Круг участников такого общения следовало расширять и откликаться на предложения из-за рубежа о переписке [7; 10, л. 47—49, 64—65]. Для самих членов Комитета

она становится одной из общественных нагрузок по линии борьбы за мир и ведется через структуры СКЗМ. Иногда их переписка оказывалась продолжением личного знакомства, завязавшегося во время международных миротворческих мероприятий или поездок делегаций. К концу 1950-х г. накопленный опыт ведения переписки обобщается руководителями Комитета и выдается в виде рекомендаций, требующих на письма отвечать оперативно, иначе зарубежные адресанты обижаются, поддерживать дружеский тон общения, не прибегать к казенно-официальному языку и упрощенным идеологическим шаблонам.

Решающей цезурой в развитии советского миротворческого проекта стали события в Венгрии 1956 г., оказавшие негативное влияние на движение сторонников мира и ослабившие позиции СССР как гаранта глобальной безопасности. В ситуации парадигмального и институционального кризиса отчетливо проявилась разница в понимании функций миротворческого движения со стороны советских партийных органов, деятелей СКЗМ и представителей иностранных организаций. Последние пытались использовать каналы интернациональных контактов и направляли через советских коллег призывы к правительству СССР «действовать в соответствии с требованиями и духом Объединенных Наций» [28, с. 90]. Руководители СКЗМ традиционно облекали ответы на подобные послания в размытые формулировки о недопустимости «сгущения туч холодной войны...». С другой стороны, во внутренней переписке ими было выдвинуто несколько инициатив, расширяющих пространство собственных действий на международной арене, в частности, предложение организовать встречу комитетов социалистических стран в Венгрии, а также акцию по сбору материальной помощи венгерскому движению мира и отправку представителя СКЗМ для адресного вручения посылок [29, л. 2]. Но они не нашли поддержки со стороны партийного руководства Советского Союза.

Для улучшения советско-венгерских отношений, фильтрации мемориальных нарративов и выработки канона интерпретаций октябрьско-ноябрьских событий была использована уже апробированная форма «поезда мира». В сентябре 1957 г. 300 венгров, представителей разных социальных групп, прибыли в СССР. Встречаясь с советскими аудиториями, они от первого лица проговаривали официальный нарратив, акцентируя внимание на трагедии жертв и зверствах «контрреволюционеров». Драматизм этих рассказов подчеркивался «воспоминаниями» венгров о счастливой жизни после Второй мировой войны, ставшей возможной благодаря помощи Советского Союза [12; 13, л. 57—58]. По возвращении в Венгрию участники «поезда мира» выступали с публикациями в газетах и лекциями об этой поездке, призванными укрепить позитивный образ СССР и социализма.

Венгерские события усугубили кризисные явления в ДСМ, все активнее звучали мнения о необходимости ослабить значение центральных руководящих органов и расширить инициативу национальных комитетов. Хотя принятое чрезвычай-

ной сессией Бюро ВСМ в Хельсинки (ноябрь 1956 г.) заявление по Венгрии носило компромиссный характер, почти все западные сторонники мира выступили с осуждением действий Советского Союза. Представители СКЗМ в ВСМ обращали внимание партийного руководства на рост антисоветских взглядов в движении, нежелание национальных комитетов далее следовать за инициативами СССР. Принятое по итогам обсуждения положения дел в ДСМ решение ЦК предполагало проведение более гибкой линии СССР в движении, готовность к дискуссиям и равноправным отношениям с другими участниками, отказ от обязательности политического единства по вопросам борьбы за мир и т. д. При этом следовало решительно выступать против настроений о «ненужности» движения [26, с. 135—137]. Несмотря на продекларированное стремление сохранять и расширять ДСМ, поддерживать диалог с различными силами, партийная элита СССР вовсе не желала видеть его в качестве критика, подвергающего сомнению советские инициативы и усилившего позиции идеологических противников в Холодной войне. Поэтому компартиям, участникам ДСМ, были даны указания активизировать свою деятельность в движении и корректировать решения ВСМ, не устраивавшие Москву.

Затруднения, которые возникали в связи с использованием ДСМ как инструмента советского влияния на мировое общественное мнение, обусловили поиск альтернативных для СССР возможностей, которыми стали Пагуошские конференции и Дартмутские встречи. Авторитет этих форумов, конструктивность обсуждений, способность демонстрировать конкретные результаты в улучшении сотрудничества конфронтирующих блоков и сохранять диалог даже в условиях острых внешнеполитических кризисов поддерживали заинтересованность в их работе со стороны партийной элиты СССР. Кураторство новых институций через СКЗМ носило формальный характер.

Растущий разрыв между миролюбивыми декларациями СССР и его внешней политикой служил причиной дальнейшей утраты СКЗМ авторитета. Выдвинутая Н. С. Хрущевым программа всеобщего и полного разоружения, а затем выход Советского Союза из моратория на испытания ядерного оружия и показательный взрыв «царь-бомбы» вызвали разочарование и протесты в разных странах. На этом фоне СКЗМ становилось все сложнее убеждать общественность в искренности намерений СССР. Отсутствие критики со стороны Комитета в адрес своего правительства и полное совпадение их позиций по вопросам мира трактовалось за рубежом как доказательство псевдообщественного характера СКЗМ.

Попыткой преодолеть стигму прогосударственной организации и укрепить свой авторитет стало создание в 1961 г. Советского фонда мира, который был призван аккумулировать добровольные пожертвования для обеспечения миротворческих инициатив СССР. Основным источником денежных поступлений в фонд были вклады советских людей, но для руководства важной задачей являлось привлечение средств иностранных благотворителей,

что обеспечило бы приток валюты и послужило символическим подтверждением эффективности миротворческой деятельности и доверия к ней со стороны международной общественности. Однако неспособность найти актуальные формы взаимодействия с потенциальными зарубежными жертвователями, конкуренция со стороны иностранных фондов и политические препятствия сделали усилия СКЗМ и СФМ по сбору средств за границей мало-результативными [18, л. 1; 20, л. 29]. Это заставило миротворцев сместить фокус на более доступные группы вкладчиков: для сотрудников посольств, гастролировавших за рубежом артистов, лиц, получивших наследство в других странах, лауреатов международных премий взносы в пользу мира стали обязательной символической практикой, всячески поощряемой системой.

Крупным мероприятием, направленным на укрепление позиций СКЗМ и преодоление кризиса ВСМ, стал Всемирный конгресс за всеобщее разоружение, организованный в Москве 9—14 июля 1962 г. Он стал первым в истории ДСМ конгрессом, проведенным в Советском Союзе, и одним из самых представительных. Состав форума отражал целеполагание СССР, ориентированное на демонстрацию его готовности к сотрудничеству на миротворческой платформе с людьми разных убеждений и отказ от доминирования в движении. Кроме того, преследовалась и весьма прагматичная задача: пригласить участников из закрытых для культурно-дипломатического влияния стран, получив возможность сформировать их положительное мнение о советской стране. Впечатлять иностранных делегатов и приглашенных журналистов была призвана насыщенная программа Конгресса, включавшая в т. ч. поездку по СССР, которую совершили более тысячи зарубежных участников. Позитивный эффект, произведенный форумом, оказался недолговечным: Карибский кризис, обострение отношений с Китаем и неразрешенные проблемы в ДСМ существенно нивелировали его.

Обострение внешнеполитической обстановки не было единственным препятствием для реализации СССР своих задач на миротворческом поприще. Большое значение имели сохраняющиеся недостатки в деятельности СКЗМ: отсутствие устойчивых каналов информирования о зарубежных событиях, недостаток возможностей (организационных, человеческих, финансовых и др.) для развития контактов, несменяемый состав визитеров и отсутствие специальной подготовки для контактов с конкретными аудиториями. В отличие от предыдущего этапа, заметными становятся сбои в координации действий советских культурно-дипломатических институций, включенных в орбиту миротворчества: КСЖ, ССОД, КМО и др. начинают составлять «конкуренцию» СКЗМ при проведении мероприятий и приеме иностранных делегаций по линии борьбы за мир.

Новый период Холодной войны, связанный с преодолением Карибского кризиса и политикой «разрядки», обусловил изменения в практиках советского миротворчества. На этом этапе по линии борьбы за мир СССР не инициировал ярких масштабных кампаний, миротворческие усилия

СКЗМ адресовались, по преимуществу, внутренней аудитории, деятельность Комитета бюрократизировалась, а практики миролюбия формализовались. Происходило истощение потенциала советского миротворчества как инструмента влияния на мировое общественное мнение, сплочения вокруг инициатив СССР и формирования привлекательного образа страны. Ослабление напряженности в условиях «разрядки», ликвидация реальной угрозы ядерной войны и общее уменьшение внимания к миротворческой проблематике лишь отчасти объясняли этот процесс. Углубляющийся кризис в движении сторонников мира во главе с ВСМ негативно влиял на возможности Советского Союза транслировать с его помощью свои идеи и коммуницировать с миролюбивыми силами разных стран. Зарубежные участники движения призывали к структурным реформам ВСМ, среди них были и те, кто выступал за ликвидацию Всемирного совета мира. Советские представители, отмечая ослабление позиций СССР, подчеркивали, что уже невозможно как раньше приезжать с директивами и организовывать выступления, рассчитывая на широкую поддержку [17, л. 199]. Парадоксальность сложившейся ситуации была очень точно подмечена президентом-исполнителем ВСМ Дж. Берналом: Москва... стремится к широкому объединению идеологически пестрых сил под эгидой Всемирного совета мира, при этом опасается утратить роль лидера в ДСМ, в то время как в остальном мире движение воспринимается как коммунистическое, где безраздельно господствует СССР [цит. по: 26, с. 278].

Но еще более серьезным испытанием стали действия китайских миротворцев, развернувших массированную критику разоруженческих инициатив Советского Союза и политики «разрядки». Она находила отклик у целого ряда национальных организаций (Албании, КНДР, ДРВ, Индонезии, Японии и др.), что не только раскалывало фронт коммунистических сил, на который опирался СССР в движении за мир, но и дискредитировало его миротворческие усилия. Война во Вьетнаме также оказала неоднозначное влияние на советское миротворчество. С одной стороны, она вызвала всплеск антивоенных и антиамериканских настроений, послужила новым импульсом для активизации деятельности движения сторонников мира. С другой, обострила проблему увязывания борьбы за мир с поддержкой национально-освободительного движения, которое, в т. ч. допускало ведение военных действий. Для Советского Союза положение усугубляло жесткое осуждение Китая его позиции по Вьетнаму. Стремясь противостоять китайским представителям, СССР активно участвовал в проведении «Недель солидарности» с вьетнамским народом и осуществил политически нейтральную, но эффективную акцию масштабной гуманитарной помощи. В 1967—1969 гг. народу Вьетнама было отправлено три теплохода с тоннами продовольствия и потребительских товаров [19]. Несмотря на благодарный отклик вьетнамцев, репрезентируемый в СССР, советские представители, участвовавшие в международных встречах, отмечали, что искренность американских борцов против Вьетнамской

войны, матерей, потерявших сыновей, производила гораздо более сильное впечатление на мировую общественность, чем действия СССР, которые оставались в тени [22, л. 72—73].

Сужение для СКЗМ пространства внешнеполитических действий сместило его активность на внутреннюю аудиторию, где главной задачей миротворческих институций стало воспитание советских людей в духе мира и интернационализма. Новые ориентиры обусловили качественные изменения движения в СССР, его структуры бюрократизировались, практическая деятельность интенсифицировалась, а в ряды миротворцев включались фактически все советские граждане. Функционирующая без сбоев система миролюбия должна была формировать в сознании самого советского человека и внешних наблюдателей впечатление о том, что публичная и частная жизнь в СССР пронизана борьбой за мир.

Смена акцентов в советском миротворчестве способствовала активизации региональных отделений СКЗМ и оформлению их субъективных интересов. Публично обсуждая содержание своей работы, местные миротворцы все более решительно настаивали на расширении практики поездок за границу, утверждая, что они необходимы для проведения массовой работы среди населения, направленной на пропаганду идей мира и дружбы, разоблачение происков империализма [21, л. 64—65; 23, л. 20—21]. Обосновывая свое право быть «послами» советского миротворчества, члены региональных комитетов сигнализировали о готовности стать «пропагандистами, проводниками миролюбия, политики партии и правительства, воспитывать уважение к нашей стране, заботиться о росте авторитета нашей Родины» и даже «вступать в схватку с идеологическим противником, а иногда выполнять роль чекистов» [21, л. 83]. Сложно говорить о том, насколько в их мотивах были представлены «идеологически правильные» убеждения борцов за мир и личные (частные) стремления побывать за границей.

Инерция в деятельности Советского комитета защиты мира не позволила ему оперативно обновить стратегии на фоне политических перемен в стране и объявленной новым руководством политики перестройки. Опираясь на разоруженческие инициативы, выдвинутые Горбачевым, СКЗМ мобилизовал сторонников в ВСМ и развернул кампанию давления на США, требуя прекращения гонки вооружений. 1986 г., объявленный ООН Международным годом мира, планировалось отметить масштабным Всемирным конгрессом в Копенгагене. Его проведение было намечено сразу после встречи Горбачева и Рейгана в Рейкьявике, в центре которой находились советские предложения по ограничению вооружений. Однако на площадке конгресса, помимо солидарности с программой разоружения СССР, звучала острая критика его действий в Афганистане и обвинения в нарушении прав человека.

Несмотря на эту неудачу, руководство Комитета стремилось восстановить авторитет организации, опираясь на популярность нового советского лидера и постулаты «нового мышления»: советские защитники мира заговорили на языке доверия, укрепления взаимопонимания между народами, преодоления

пропагандистских стереотипов и образа «врага». Стимулом к его обновлению послужила отставка с поста председателя в марте 1987 г. Ю. Жукова и выдвижение Г. Боровика. Уже в начале 1988 г. на совместном пленуме СКЗМ и СФМ Боровик выступил с критикой движения за мир в СССР и внес предложения по проведению открытых выборов актива, введению членства, расширению прав местных отделений и т. д., которые, фактически, означали демонтаж принципов функционирования миротворческих институций в советской партийно-государственной системе.

Основной акцент в послании нового председателя был сделан на обновлении форм работы миротворческих организаций: проведение крупных интересных акций рассматривалось как залог укрепления авторитета и доверия к ним со стороны внутренней и внешней аудиторий. Одним из первых таких мероприятий стало проведение международной «Волны мира», запущенной из Хиросимы и Нагасаки и прокатившейся по многим странам мира, включая СССР. Но главными формами активности СКЗМ в этот период стали международные культурные обмены, к участию в которых широко привлекались дети и молодежь. Практиковались и различные вариации «рейсов мира», при организации которых впервые была предпринята попытка открытого привлечения советских претендентов, а также использовалась технология смешанных групп, предоставляющая участникам возможность относительно свободно контактировать друг с другом.

Освобождаясь от идеологических оков, движение советских миротворцев стремилось к осуществлению разнообразных совместных проектов со вчерашними противниками. Целью такого сотрудничества было не только развитие связей, способствующих преодолению образа «врага» и укреплению доверия, но и создание благоприятной внешнеполитической обстановки для проведения реформ в СССР. При этом переживания рядовых советских участников международных обменов были сложны и неоднозначны: испытывая дружеские чувства и выражая готовность преодолевать стереотипы Холодной войны, они, в то же время ощущали разочарования, уничижительное отношение к достижениям своей страны, сравнивая повседневные реалии СССР и передовых западных стран.

Углубление социально-экономического кризиса и центробежные тенденции в СССР в конце 1980-х гг. обострили для СКЗМ и СФМ проблемы целостности и управляемости организаций. Тогда же в их адрес впервые открыто зазвучали обвинения в бесполезности деятельности и использовании миротворцами возможностей коммуникации с иностранными аудиториями в корыстных целях. Это заставило председателя СКЗМ публично обосновывать значимость советского миротворчества. Его аргументация существенно отличалась от той, что звучала в предыдущие периоды: он говорил не только об усилиях Комитета по развитию сотрудничества и формированию доброго отношения к СССР, но и привлечении им гуманитарной помощи из западных стран, а также пополнении госбюджета валютой благодаря приездам иностранцев [1]. После

распада СССР и краха советского символического порядка связанные с ним СКЗМ и СФМ лишились поддержки, а предлагаемые ими миротворческие практики потеряли актуальность для внутренней и внешней аудиторий.

Источники и литература

1. Боровик, Г. Народная дипломатия: стоит ли она того, во что нам обходится? / Г. Боровик // *Правда*. — 1990. — 15 дек.

2. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 22.
3. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 54.
4. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 73.
5. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 95.
6. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 152.
7. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 241.
8. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 334.
9. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 335.
10. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 404.
11. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 406.
12. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 507.
13. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 534.
14. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 552.
15. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 634.
16. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 726.
17. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 1083.
18. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 18.
19. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 23.
20. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 48.
21. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 51.
22. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 95.
23. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 229а.

24. Дэвид-Фокс, М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости / М. Дэвид-Фокс. 1921—1941 годы. Москва, 2015. — 561 с.

25. Егорова, Н. И. Движение сторонников мира в Европе в контексте многосторонней дипломатии. 1950—1955 гг. / Н. И. Егорова // *Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны*: сб. ст. — Москва, 2008. — С. 83—99.

26. Егорова, Н. И. «Народная демократия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955—1965 годы / Н. И. Егорова. — Москва, 2016. — 320 с.

27. Зубкова, Е. Ю. Сталин и общественное мнение в СССР. 1945—1953 / Е. Ю. Зубкова // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы*. — Москва, 1999. — С. 151—170.

28. Письмо вице-председателя Комитета связей между Востоком и Западом Религиозного общества друзей Геральда Бейли в Советский комитет защиты мира А. Е. Корнейчуку // *Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны (1945—1989)* / под ред. О. Нагорной. — Челябинск, 2017. — С. 90.

29. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 502.

30. Речь президента Соединенных Штатов г-на Д. Эйзенхауэра на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 8 декабря 1953 года. — URL: <http://www.un.org/ru/ga/iaea/eisenhower-2.htm> (дата обращения: 20.06.2020).

31. Цветкова, Н. А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914—2014 гг.: дис. ... д-ра ист наук / Н. А. Цветкова. — Санкт-Петербург, 2015. — 552 с.

РАЕВА Татьяна Витальевна, кандидат исторических наук, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация). E-mail: raevatv@susu.ru

Поступила в редакцию 25 августа 2020 г.

DOI: 10.14529/ssh200408

«AGAINST THE FIRE OF WAR»: THE PRACTICES OF SOVIET PEACEKEEPING IN THE CONTEXT OF THE COLD WAR

T. V. Raeva, raevatv@susu.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The struggle for peace was of great importance to Soviet cultural diplomacy during the Cold War. In this article, the author analyzes the arsenal and content of the peacekeeping practices of the USSR, forms an idea of the stages of development of Soviet peacefulness, studies the dynamics of its transition from effective innovative strategies to formalized measures. The study of the peacekeeping efforts of the Soviet Union, the internal and external political context of the second half of the 20th century, makes it possible to determine the reasons for the depletion of the potential of the Soviet struggle for peace as an instrument of influencing public opinion and forming an attractive image of the country.

Keywords: Soviet peace movement, the Soviet Peace Committee, the Soviet Peace Fund, the Soviet cultural diplomacy during the Cold War.

References

1. Borovik G. Narodnaya diplomatiya: stoit li ona togo, vo chto nam obhoditsya? [Public diplomacy: is it worth what it costs us?] in *Pravda*, 1990, 15 dekabrya.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 9539. Op. 1. D. 22.
3. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 54.
4. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 73.
5. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 95.
6. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 152.

7. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 241.
8. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 334.
9. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 335.
10. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 404.
11. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 406.
12. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 507.
13. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 534.
14. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 552.
15. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 634.
16. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 726.
17. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 1083.
18. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 18.
19. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 23.
20. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 48.
21. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 51.
22. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 95.
23. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 229a.
24. David-Foks, M. Vitriiny velikogo eksperimenta. Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuz a i ego zapadnye gosti. 1921-1941 gody [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921-1941], Moscow, 2015, 561 p.
25. Egorova, N. I. Dvizhenie storonnikov mira v Evrope v kontekste mnogostoronnej diplomatii, 1950-1955 gg. [The peace movement in Europe in the context of multilateral diplomacy, 1950-1955] in *Mnogostoronnyaya diplomatiya v gody holodnoj vojny* [Multilateral diplomacy during the Cold War], Moscow, 2008, P. 83—99.
26. Egorova, N. I. «Narodnaya demokratiya» yadernogo veka: dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzheniya, 1955-1965 gody [«People's Democracy» of the Nuclear Age: the Movement of Peace Supporters and the Problem of Disarmament, 1955-1965], Moscow, 2016, 320 p.
27. Zubkova, E. YU. Stalin i obshchestvennoe mnenie v SSSR. 1945-1953 [Stalin and public opinion in the USSR. 1945-1953] in *Stalinskoe desyatiletie holodnoj vojny: fakty i gipotezy* [The Stalinist Decade of the Cold War: Facts and Hypotheses], Moscow, 1999, P. 151—170.
28. Pis'mo vice-predsedatelya Komiteta svyazey mezhd u Vostokom i Zapadom Religioznogo obshchestva družey Geral'da Bejli v Sovetskij komiteta zashchity mira A.E. Kornejchuku [Letter from the Vice-Chairman of the Committee for Relations between East and West of the Religious Society of Friends of Gerald Bailey to the Soviet Peace Committee A.E. Korneichuk] in *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v gody Holodnoj vojny (1945-1989)* [Soviet cultural diplomacy during the Cold War (1945-1989)], Chelyabinsk, 2017, P. 90.
29. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI). F. 5. Op. 28. D. 502.
30. Rech' prezidenta Soedinennyh Shtatov g-na D. Ejzenhauera na zasedanii General'noj Assamblei OON 8 dekabrya 1953 goda [Speech by the President of the United States, Mr. D. Eisenhower, at the UN General Assembly on December 8, 1953], <http://www.un.org/ru/ga/iaea/eisenhower-2.htm>
31. Cvetkova, N. A. Publichnaya diplomatiya kak instrument ideologicheskoy i politicheskoy ekspansii SSHA v mire, 1914-2014 gg. [Public diplomacy as a tool for the US ideological and political expansion in the world, 1914-2014], St. Petersburg, 2015, 552 p.

Received August 25, 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Раева, Т. В. «Против огня войны»: практики советского миротворчества в условиях холодной войны / Т. В. Раева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2020. — Т. 20, № 4. — С. 58—65. DOI: 10.14529/ssh200408

FOR CITATION

Raeva T. V. «Against the fire of war»: the practices of soviet peacekeeping in the context of the cold war *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2020, vol. 20, no. 4, pp. 58—65. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh200408